

© 2007 г. А.В. САХАРОВА

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ КРАТКИХ ПРИЧАСТИЙ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕТОПИСИ ДЛЯ НЕКОТОРЫХ СТАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Предложен подход к изучению критериев распределения предикативных единиц на оформляемые финитными глаголами и краткими причастиями (фактически уже деепричастиями) в древнерусской летописи. Так как употребление нефинитных форм традиционно считают обусловленным дискурсивно-прагматическими факторами (они маркируют предикации, принадлежащие заднему плану повествования), для нескольких близких по значению глаголов подробно проверяется, какие способы оформления используются в контекстах, характеризующихся различными значениями и дискурсивных и синтаксических параметров.

Выясняется, что изучаемые критерии близки критериям разграничения основных и фоновых для нарратива предикаций, но не все содержательные закономерности употребления причастий объяснимы дискурсивными факторами.

Функционирование причастий в средневековых восточнославянских текстах – один из вопросов, которому традиционно уделяется серьезное внимание в исторической русистике. Хорошо известно, что восточнославянские краткие (нечленные) причастия прошли по пути изменения своих синтаксических функций от подчиненности имени к подчиненности финитному глаголу, потеряв при этом склонение, а позднее и согласование по роду; уже для раннедревнерусского периода данные формы терминологически не корректно называть причастиями, так как они не использовались в качестве синтаксических определений [Зализняк 2004: 134, 184–185]. Правильнее было бы говорить о деепричастиях и деепричастных оборотах, но в русистике давно сложилась традиция использовать термины «краткое причастие» и «причастный оборот» (видимо, потому что согласование форма в некоторых более древних текстах сохраняла), и в данной работе не будем ее нарушать.

Но прежде чем перейти к дальнейшему описанию функционирования древнерусских кратких причастий действительного залога, необходимо дать некоторые общие сведения по поводу особенностей функционирования деепричастий (или причастий в обстоятельственном употреблении).

1. СИНТАКСИС И ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ И ПРИЧАСТИЙ В ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

Обычно, когда говорят о деепричастии (или о причастии в обстоятельственном употреблении), его определяют как глагольную форму, чья функция – маркирование обстоятельственно подчиненной синтаксической группы, т. е. такой, которая не обозначает актанта глагола и не является определением [Haspelmath 1995: 3; Nedjalkov 1995: 97]. При этом синтаксические единицы, возглавляемые деепричастиями, считают подчиненными именно на том основании, что там употреблена нефинитная репрезентация глагола. (Напомним, что для языков европейского стандарта нефинитными называются глагольные формы, не имеющие показателей личного согласования, времени, наклонения.)

Глагольные репрезентации, в которых не выражены некоторые грамматические категории, обязательно выражаемые в независимых предикациях, также называют ино-

гда редуцированными [Haiman, Thompson 1984; Haiman 1985: 196 и далее]. Однако в первую очередь этот термин следует отнести к таким деепричастиям агглютинативных языков (некоторых северокавказских, тюркских и др.), которые имеют нулевой аффикс и поэтому могут трактоваться как чистые основы, от которых путем прибавления определенных показателей образуются формы, называемые финитными (таково, например, большинство деепричастий языков из выборки [Калинина 2001: 79–91]). Деепричастия же многих флективных индоевропейских языков (и, конечно, древнерусское краткое причастие) имеют специальные, ненулевые морфологические показатели и, строго говоря, не являются просто редуцированными финитными глаголами.

Считается, что поверхностно-синтаксическое подчинение имеет прагматический, когнитивный смысл. Дискурс имеет ядерную структуру, где одна информация в большей степени соответствует глобальной риторической цели говорящего/пишущего (пересказать, описать, объяснить нечто и т.п.), а другая – в меньшей, и этой менее важной, менее соответствующей цели информации и соответствуют приблизительно подчиненные предикативные единицы [Lakoff 1984; Matthiesen, Thompson 1988]; см. также [Tomlin et al. 1997: 91–92]. Для этого противопоставления основной и второстепенной информации используют обычно термины «foreground» и «background», которые принято переводить как «передний план» и «задний план», или «фон», соответственно.

Цель нарратива – рассказать об определенных изменениях положений дел, причем в той последовательности, в которой они реально и происходили. Поэтому основным, передним планом в нарративе называют собственно линию повествования, т. е. предикации, описывающие эти самые происходившие одно за другим события, где характер следующего события в той или иной степени определен обстоятельствами предыдущего [Hopper 1979; Dry 1981; 1983] – цит. по [Wärvik 2002: 29]. В таком случае простейший критерий деления предикаций нарратива на переднеплановые и фоновые – актуальный: предикации (в том числе и причастные и деепричастные), обозначающие ситуации, одновременные событиям основной последовательности или иным образом хронологически на них накладывающиеся, и вообще обозначающие незавершенные ситуации, относят к фону повествования. В частности, именно так характеризуют английские причастия на *-ing*, чаще всего обозначающие состояния и неопределенные процессы – *local backgrounding device* [Thompson 1983].

Неоднократно отмечалось, что в нарративе обстоятельственные предикативные единицы могут иметь особую функцию: являться целиком пресуппозиционными (о прагматической пресуппозиции см. [Падучева 2001: 57–60]), привязывающими сообщаемую в главной предикации информацию к уже сообщенному ранее [Longacre 1983: 13–15; Givón 1984: 251; Wärvik 2002: 252]. Такого рода предикации, если они обозначают перфективные ситуации, могут повторять какую-то информацию как о точечных событиях, так и об окончаниях процессов [Thompson 1987]. Обстоятельственные предикации (в том числе и причастные и деепричастные), если они обозначают перфективные ситуации, не представляют собой пресуппозиционных отсылок назад и не инвертированы относительно главных в том смысле, что последовательность событий отражается иконически, таким образом относят к линии повествования – несмотря на то, что они подчиненные, они двигают изложение вперед [Dry 1981; 1983] – цит. по [Wärvik 2002: 29]¹.

Дискурсивные функции принадлежащих линии повествования деепричастных и причастных предикативных единиц разных языков трактуют по-разному. Древнегреческие

¹ Заметим, что существует и несколько иной подход к делению информации в нарративе на уровни, когда принадлежность предикации к переднему плану понимают как ее важность, или выделенность (*importance, saliency*). При этом выделенность может осознаваться как прагматическая характеристика предикации – ее неожиданность, нестереотипность по сравнению с другими; одним из средств языкового кодирования такой прагматической выделенности может быть длина или степень сложности предикативной единицы [Polanyi, Hopper 1981]. При таком, прагматическом подходе к переднему плану повествования также безусловно относят и предикативные единицы, сообщающие центральную, ключевую с точки зрения жанра и сюжета информацию [Polanyi, Hopper 1981; Chafe 1987].

причастные обороты (в том числе обороты с активными аористными причастиями) называют принадлежащими к заднему плану (фону) повествования, так как причастие есть форма, имеющая именные черты; в обстоятельственном употреблении (где у причастий нет артикля и их не считают поэтому определениями) их называют хотя и похожими на финитные формы, но второстепенными, вводящими относящиеся к главной предикации порции поддерживающей информации (*clause-specific background*) [Fox 1983: 31–32].

Употребление деепричастных и обстоятельственных причастных оборотов также называют средством выделения следующей после такого оборота финитной предикации (обозначающей некое ключевое для небольшого фрагмента событие) – такую функцию приписывают причастию в языке древнегреческого Евангелия [Longacre 1983: 30–34]. Употребление деепричастий – редуцированных глагольных форм – также объясняют просто действием механизма экономии языковых средств: в языке есть общая тенденция не повторять информацию, которая предсказуема или известна, поэтому и появление редуцированных предикаций есть результат своеобразного эллипсиса: в случае объединения серии глаголов по каким-то признакам, которые в данном случае оказываются важными, у всех глаголов, кроме одного, эти признаки оказываются не отмечены [Haiman, Thompson 1984]. Но, как уже было сказано, эти соображения прежде всего относятся к таким деепричастиям, которые представляют собой редуцированные буквально по форме финитные глаголы. В целом, можно наблюдать, что интерпретация авторами грамматик и другими исследователями дискурсивной роли той или иной деепричастной формы зависит от ее синтаксиса: как принадлежащие к переднему плану повествования оценивают деепричастия, употребляемые с большой частотой и с меньшим количеством черт синтаксического подчинения и имеющие нулевой морфологический показатель.

2. ДРЕВНЕРУССКОЕ КРАТКОЕ ПРИЧАСТИЕ

Синтаксис древнерусских кратких причастий имел ряд особенностей, издавна привлекавших внимание исследователей. Как известно, претеритное *и*-причастие могло употребляться для обозначения действия, предшествующего обозначенному финитным глаголом, от которого оно зависело, а презентное *иц*-причастие – одновременного [Růžička 1963: 82–83; Борковский, Кузнецов 1965: 318–319; Лопатина 1978: 108–109; Кузьмина, Немченко 1982: 292]. В «гибридных», т.е. соединяющих восточнославянские и церковнославянские элементы, древнерусских текстах были иногда возможны такие употребления кратких причастий, когда не обнаруживалось никакого финитного глагола с тем же подлежащим, от которого их можно было бы считать зависимыми. Например, не было глагола-вершины «традиционного» типа для *и*-причастия, если оно оказывалось из нескольких предикатов, относящихся к одному подлежащему, обозначающим самую последнюю хронологически ситуацию. Также подлежащее причастного оборота могло совпадать не с подлежащим, а с другим актантом финитного глагола; или даже у причастия и у соседних финитных глаголов могли отсутствовать общие актанты. (Фактически простейший критерий подчинения – тот, что предикация имеет не такой вид, какой имела бы, будучи одиночной, – для кратких причастий некоторых памятников XVI–XVII вв. уже не работает: *и*- и *иц*-причастия нормально фигурируют и в одиночных независимых предикациях [Живов 1995])².

² Обороты с краткими причастия в именительном падеже имели ряд и других синтаксических особенностей употребления, почти не характерных для старославянских, которые сближали их с финитными глаголами [Потебня 1958: 185–186; Истрина 1923: 73; Лопатина 1978: 115]. Следует отметить «глагольный» порядок слов, когда подлежащее главной предикации находится внутри составляющей с причастием во главе (типа *на ель ворона взгромоздась*), и наличие сочинительного союза между причастным оборотом и финитным глаголом (*вставъ и рече; иде, а оставивъ*). Причем соединительный союз *и* возможен не во всех случаях, он отмечает только принадлежащие к линии повествования предикации: *иц*-причастие с главной предикацией он соединяет крайне редко, а в случае *и*-причастия не появляется, если причастная предикация инвертирована относительно главной [Алексеев 1987а].

По разным спискам одного текста также видно, что причастия и финитные формы бывали иногда взаимно заменяемы [Алексеев 1987а: 195]. Предполагают, что условия для подобного смешения могло создавать, в частности, сходство *ш*-причастий с претеритами (с аористом (типа *слышавъ—слыша*), во множественном числе – с аористом и имперфектом единственного числа (типа *слышавъше—слышаша—слышаше*)) [Алексеев 1987а; Живов 1995].

Обороты с дательным самостоятельным точно так же обозначали ситуацию, одновременную или предшествующую ситуации, описываемой в главной предикации, в зависимости от того, было ли употреблено там *ш*- или *ш*-причастие. В старославянских текстах существовали синтаксические ограничения на употребления этого оборота: подлежащее его не совпадало с подлежащими ближайших финитных предикаций, однако в древнерусских «гибридных» текстах это синтаксическое ограничение не действовало, и такого рода совпадения были весьма часты [Белоруссов 1899; Сабенина 1978; Борковский, Кузнецов 1965]. Весь этот специфический летописный синтаксис причастий объясняют и тем, что списчик мог недостаточно владеть грамматикой церковнославянского причастия и тем, что подобный синтаксис причастия мог стать осознанно воспринимаемой нормой, свойственной определенному кругу письменных жанров [Алексеев 1987б: 44].

В этой связи следует напомнить, что представляла собой литературная норма для языка средневековой Руси и каковы были специфические механизмы, действовавшие при порождении книжных текстов [Живов 1995; 1998]. Обучение книжному языку (разумеется, достаточно отличному от разговорного на всех уровнях) могло еще включать в себя изучение орфографических правил, но на синтаксическом уровне никакие правила не формулировались. Навыки владения книжным языком формировались опытом чтения, и поэтому, создавая тексты, от которых требовалось хотя бы формальное сходство с образцовыми, авторы переосмыслили специфически книжные элементы и конструкции, не имеющие соответствий в их разговорном языке³, в тех категориях, которые были им доступны. А одно такое переосмысление могло уже стать для последующих читателей подобием прецедента, легализующего это отклонение. Возможно, именно действием этого механизма постепенных переинтерпретаций и объясняется появление и «прогрессирование» синтаксических черт финитного глагола у краткого причастия⁴.

Факторы, могущие обуславливать само распределение предикаций на оформляемые финитными глаголами и оформляемые причастными оборотами, специально не исследовались. Летописные причастные обороты, осознаваемые как особое синтаксическое явление, именно поэтому получили, как известно, специальное название «второстепенные сказуемые». Термин этот стал для большинства отечественных исследователей метафорическим обозначением того, что подобного рода предикации, хотя и похожи на глагол («сказуемые»), но имеют меньшую важность с точки зрения организации дискурса (второстепенны) [Истрина 1923; Борковский 1949; Борковский, Кузнецов 1965; Геор-

³ В современном русском языке употребление и причастий и деепричастий характерно почти исключительно для литературного языка, в разговорном языке единицы аналогичного происхождения представляют собой весьма ограниченно употребляемые прилагательные и наречия [Земская 1973: 160–196]. Впрочем, мы не знаем, верно ли это для разговорного языка Средневековья – в материале берестяных грамот, где отражен более бытовой регистр письменного языка, обороты с краткими причастиями именительного падежа встречаются и имеют в целом такой же синтаксис, как и в летописи [Зализняк 2004: 181–182, 192–193].

⁴ Синтаксис *ш*-причастий объясняют также влиянием отпричастного перфекта, употребление которого могло быть характерно для разговорного языка некоторых из писцов (по данным лингвогеографии он сформировался в западно-великорусских диалектах уже в XII веке) [Горшкова, Хабургаев 1981: 352–357]. Не ясно в таком случае, как быть с писцами, в чьем разговорном языке этого перфекта не было. К тому же для нарратива не характерно употребление перфекта как категории с результативным значением.

гиева 1968; Стеценко 1972; Лопатина 1978; Кузьмина, Немченко 1982]. Второстепенность называли и свойством современных русских деепричастных оборотов [Шахматов 2001]. Дискурсивной функцией дательного самостоятельного в работах последних лет называют маркирование фоновых по отношению к развитию нарратива предикаций (backgrounding) и отмечают, что в поздних текстах он теряет это значение и превращается просто в стилистическое средство [Worth 1994: 33; Corin 1995: 259–260].

Говоря о значении восточнославянских причастных оборотов, исследователи обычно также перечисляют те смысловые связи, в которых могут находиться причастная и главная предикации (или, если в повествовательной цепочке трудно выделить главную предикацию, отношения между причастной предикацией и ближайшей финитной): обычный причастный оборот может быть для главной предикации обстоятельством времени, причины, образа действия, условия (см. например [Руднев 1959: 93–100; Večerka 1961: 116–118; Лопатина 1978: 107]), равно как и уточнением или разъяснением уже сообщенной информации; дательный самостоятельный является чаще всего обстоятельством времени или причины [Белоруссов 1899: 78–82; Борковский, Кузнецов 1965: 483; Сабенина 1978: 420; Worth 1994: 39]. Однако очевидно, что наличие этих связей не обязательно, они имеют место просто в силу лексической сочетаемости конкретных слов, а не являются «значениями» причастного оборота как синтаксической трансформации.

Известно также, что существовали лексикализованные конструкции, постоянно оформлявшиеся дательным самостоятельным (*Богу поущишу, Богу извольшу, солнцу въсходящу, времени минувъшу, дни наставъшу* и некоторые другие [Сабенина 1978: 428]). Их наличие не противоречит всему вышесказанному по поводу семантики и дискурсивно-прагматического значения причастных оборотов: в текстах одного жанра и круга тем определенные лексические элементы могут регулярно оказываться в одном и том же семантическом и прагматическом контексте. Однако это наводит на мысль, что и вообще для разных глаголов закономерности распределения предикаций на причастные и финитные могут отличаться.

В сущности же механизм распределения предикаций на причастные и финитные не изучен. Как уже было сказано, передний и задний планы повествования – это комплексные понятия, критерии выделения их в нарративе могут быть разными. К тому же в исследовании контекстно обусловленных и не всегда выполняемых на 100% дискурсивных закономерностей нельзя продвинуться далеко, пользуясь только теми приемами, с помощью которых изучают морфо-синтаксические закономерности. Так как значения параметров дискурсивного уровня нельзя определить вне контекста (как, например, то, представляет ли собой предикация прагматическую презумпцию или нет, сообщает ли она более или менее ожидаемую информацию и т.п.) и для глаголов разных семантических классов могут быть характерны свои закономерности распределения предикаций, имеет смысл, как уже было сказано, сравнивать причастные употребления с финитными не вообще, а по отдельности для разных глагольных лексем.

Данная статья и представляет собой иллюстрацию такого полексемного подхода: в ней проведен анализ всех употреблений причастных и финитных форм стативных глаголов *быти*, *сѣдѣти* и *стояти* в тех случаях, когда они имеют значения пребывания в определенном месте (локативное значение), и глаголов *сѣдѣти* и *стояти* в тех случаях, когда они имеют значение пребывания в определенной позе, в одном конкретном тексте – Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода⁵ по из-

⁵ Разумеется, в текстологическом отношении список достаточно неоднороден, но на данном этапе исследований принимать во внимание эту неоднородность не имеет смысла. Также не являются предметом данного исследования закономерности расхождений между списками в употреблении причастных и финитных форм. Анализ этих расхождений мог бы дать дополнительный интересный материал, но сначала необходимо установить общие, «усредненные» закономерности употребления причастий для одного текста, взятого как целое.

данию [НПЛ 1950]. Он имеет средние размеры, 264 листа в оригинале (т.е. он не настолько велик, чтобы с ним было очень трудно работать, и не настолько мал, чтобы употреблений наиболее частотных глаголов было недостаточно, чтобы делать выводы); начальная его часть принадлежит древнейшему периоду истории письменного языка, когда параметры литературного языка и, в том числе, изучаемый, только формировались.

3. КРИТЕРИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДИКАЦИЙ НА ПРИЧАСТНЫЕ И ФИНИТНЫЕ ДЛЯ НЕКОТОРЫХ СТАТИВНЫХ ГЛАГЛОВ

3.1. Глаголы локативного значения

Быти

В исследуемом тексте глагол *быти* появляется в составном именном или глагольном сказуемом (т.е. в значении связки), в локативном значении, когда обязательным участником описываемой ситуации является место пребывания субъекта, и в значении глагола существования, когда у ситуации нет других обязательных участников, кроме самого субъекта⁶. Рассмотрим только те употребления глагола, где он имеет второе, локативное значение.

Тогда, когда предикация с глаголом *быти* является фоновой по аспектуальному критерию, т.е. обозначает ситуацию, одновременную событию нарративной последовательности, и имеет общее подлежащее с предикацией, обозначающей эту ситуацию, исследуемый глагол оформляется *и*-причастием. Но на данный ситуационный контекст есть всего один пример, глагол в нем имеет значение пребывания в состоянии, а не в определенном месте (по значению приближаясь к связке); и употреблено русское новообразование, *и*-причастие *будя*, а не *сый* или *сущь*:

*...архиепископъ новгородчкыи Феоктистъ выиде изо владычня двора, по своей волѣ своего ради нездравия, благословивъ Новѣгород; иде в манастирь святыя богородица Благовѣщению, изволивъ молчалное житѣе, в немощи будя [1304]*⁷.

Если предикация с данным глаголом является фоновой по аспектуальному критерию, но не имеет общего подлежащего с предикацией, обозначающей одновременную ситуацию, а также если подлежащее глагола *быти* – в единственном числе и имеет статус Данного, т.е. уже фигурировало в изложении раньше, эта предикация оформляется дательным самостоятельным, причем может использоваться как *и*-, так и *и*-причастие:

В лѣто 6574 Ростиславу сущю Тмутороканю и емлющу дань у Касогъ и у иных странъ, сего же убоявшеся Грѣци, послаша с лестию катопана [1066];

(новгородцы) и собравшася в ноцъ, иѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ; а князю Ярославу тогда в ту ноцъ сущу на Ракомѣ. И се слышавъ, князь Ярославъ разгнѣвася на гражаны [1016];

Посем же Половчемъ воюющимъ по землѣ Рустѣи, Святославу сущу в Черниговѣ, и Половцемъ воюющимъ около Чернигова, Святославъ же собравъ дружины нѣколико, изиде на нѣх ко Сновьску [1068];

Того же лѣта князь великыи Василии, собравъ вои, и поиде на того же Махмета и приде въ Суздаль; и бывшу ему въ Еуфимьева манастиря, и без вѣсти наидоша Топарове, и бысть сѣча велика [1445] и т.д.

⁶ Конечно, словари (см., например [Срезневский 1903, 1: 204-205]) различают большее число значений глагола *быти*, границы между которыми нечетки, но подчеркнем, в данном случае речь идет только об употреблении глагола в исследуемом летописном тексте.

⁷ Эта дата получена путем механического вычитания 5508 из той, к которой летописец отнес данную запись. Соответствующий эпизод может на самом деле относиться и к другой дате из-за разных дней начала года и т.п., но для лингвистических целей эта разница не важна; следует только помнить, что древнейшая часть летописи, относящаяся к X в., была создана в XI в.

Всего таких примеров девять. Употреблений финитной формы точно в подобном контексте только три:

Приидоша Свѣя и Емъ и Сумъ и Дидманъ со своею волостью и множество рати и начаша чинити город на Наровѣ. тогда не бѣше князя в Новѣгородѣ, и послаша новгородци в Низъ ко князю по полкы а сами розослаша по своей волости, такоже копяще полкы. Они же, оканнии, услышавше, побѣгоша за море [1256];

...възведоша и на сѣни честно весь Новѣград, мѣсяца мая въ 7, на Вознесение Господне, на память святого отца Пахомия; не бысть тогда митрополит в Руской земли [1388];

...бысть снемъ въ святѣи Софѣи 6 дни 6 ноции. А цесарь же Исаковичъ бѣаше в то время Влахириѣ и мысляше в себѣ, како бы ввести Фрягы отаи и боярѣ въ градѣ томъ, увѣдавши помышление цесарево, и пакы утолиша его, не даша ему напустити Фрягъ [1204].

Финитные формы также употребляются в контекстах, которые отличаются от вышеописанного хотя бы по одному параметру. Например, если предикация с данным глаголом является фоновой по аспектуальному критерию и не имеет общего подлежащего с предикациями, обозначающими одновременные ситуации, но при этом описываемая ситуация одновременная другой такой же фоновой по аспектуальному критерию, употребляется имперфект:

И погребоша Игоря; и есть могила его близъ града Коростеня въ Дрехех и до сего дни. А Олга же бѣше в Киевѣ съ сыномъ своимъ дѣтѣскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ и воевода бѣ Свѣнделдъ, тѣ же отецъ Мъстишинъ. Рѣша же к себѣ Дрѣвляне: «се князя убихомъ рускаго поимемъ жену его Олгу за князь свои Малъ» [945].

Предикация оформляется финитно еще в ряде контекстов, похожих на вышеописанный типичный для дательного самостоятельного, но имеющих от него некоторые отличия. Это, во-первых, те контексты, где подлежащее имеет статус Нового:

В си же времена бысть въ Грѣчькои земли цесарь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина, иже проповѣдаетъ покланяние иконамъ въ прѣвую недѣлю поста. При семъ приидоша Русь на Царьград в кораблех [вступит. часть];

...ту князь Александръ Михайлович со Тфѣри нападе на нь, и князь Юрьи самъ убѣжа въ Плесковъ, а товаръ его разграбиха, а въ Плесковѣ бѣше тогда литовскыи князь Давыдко; и оттолѣ призваши и новгородци к собѣ по хрестьному цѣлованию, и поставиша в Загороды, въ Офоновѣ дворѣ, въ диаконовѣ [1322].

Во-вторых, это те контексты, где подлежащее стоит во множественном числе:

Того же лѣта, на зиму, позва Всеволод новгородцовъ на Черниговъ, на Ярослава и на все Олгово племя; и новгородци не отпрѣшася ему, идоша съ княземъ Ярославомъ огнищанѣ и гридба и купцѣ. И быша на Новѣмъ торгу, и приславъ Всеволод, и възврати е съ честию домовъ [1195];

...«идете в зажитѣя, толко головъ не емлите». И идоша, исполнишася кормомъ, сами и конѣ, и быша верху Волзѣ; осклѣ Святославъ Ржеву, городецъ Мъстиславъ, с полкы въ 10 тысящъ Мъстиславъ же с Володимиром со Плесковскимъ поиде в борзѣхъ въ 5 сот: [1216] и т. д.

В пяти из этих 12 случаев предикация с глаголом *быти* оказывается внутри придаточного предложения, вводимого союзом *яко*:

...биша их и до рѣцѣ, и ту паде лучшихъ Нѣмцовъ нѣколько; и яко быша на рѣцѣ на Омовыже Нѣмци, и ту обломишася, и истопе ихъ много [1234] и т. д.

Во всех данных примерах с финитным *быти* речь идет о передвижениях войска во главе с вождем, но о них же может говориться и в примерах с дательным самостоятельным: *Того же лѣта князь великыи Василии, собравъ вои, и поиде на того же Махмета и приде въ Суздаль; и бывшу ему въ Еуфимьева монастыря, и безъ вѣсти наидоша Топарове, и бысть сѣча велика [1445].*

В-третьих, это те контексты, где не новой является информация о самом месте пребывания субъекта (и поэтому сама предикация носит характер примечания):

Того же дни иде князь Мъстиславъ с новгородци на Чюдъ на Ереву... Мъстиславъ же князь взя на них дань, и да новгородцемъ двѣ части дани, а третьюю часть дворяномъ;

бѣше же ту и Плесковскыи князь Всеволод Борисовицъ со плесковици; и приидоша вси здрави со множествомъ полона [1241];

А у града того остана два воеводѣ, Чыгырканъ и Тешюканъ, на Мьстислава и на зять его на Ондрѣа и на Олександра Дубровичскаго: бѣста бо два князя съ Мьстиславомъ. Ту же и бродници с Татары быша, и воевода их Плоскыня, и тѣ оканныи воевода цѣлова крестъ честныи къ Мьстиславу и ко обоимъ княземъ како их не избити [1224];

...совокупи всю князю и полку беицисла, и приведе в Новѣгород; и ту бѣше баскакъ великыи володимиръскыи, именемъ Амраганъ, и хотѣша ити къ Колываню [1269];

...доконцаша миръ по старымъ грамотамъ, на всеи воли повгородчкои, и крестъ цѣловаша; а князю даша боръ по волости, а на новоторжцех 1000 рублевъ; бѣше же ту и митрополит; и присла князь намѣстникъ в Новѣгород [1340].

В-четвертых, это те контексты, где в состав предикации входит частица *бо*:

В Новѣградѣ же бысть мятежь великъ: не бѣше бо князя Ярослава, нѣ в Переяславѣ бысть тогда [1232];

Умершу же ему на Берестовомъ, и потаиша и, бѣ бо Святополкъ в Киевѣ [1015].

Рассмотрим теперь контексты, где предикации с данным глаголом (в значении *находиться*) принадлежат нарративной последовательности и где данный глагол является непоследним в ее фрагменте, относящемся к одному подлежащему (так как причастные формы данного глагола появляются только в них). В тех случаях, когда предикация, следующая за предикацией с *быти*, обозначает ситуацию, так или иначе завершившую это длительное состояние пребывания, предикация с глаголом *быти* оформляется кратким *и*-причастием. Подобных примеров всего шесть:

...множество беицислено людии добрыхъ помре тогда. Сице же бысть знамение той смерти: хракнетъ кровью человекъ и до треи день бывать да умрет [1351];

Того же лѣта мѣсяца мая въ 22 день, на память святого мученика Василиска, в пятток 4 недѣли по пасцѣ, въ 7 час дни, преставися архиепископъ новгородчкыи Климентъ, бывши въ епископи лѣт 23, добръ правивъ церковь божию [1299];

Тои же зимы, мѣсяца генваря въ 20, соуде владыка Иоан со владычества, бывши въ владычествѣ [30 лѣт безъ трии] [1415];

Преставися посадникъ Юрьи Онцифорович, бывши нѣмъ год и 3 мѣсяци [1417] и т.д.

Причем только в одном из этих примеров при глаголе *быти* нет обстоятельства времени: *Того же лѣта прииха митрополит Феогностъ в Русь, бывать въ Цесариградѣ и в Ордѣ [1333].*

В одном случае в контексте подобного типа употребляется финитная форма:

Того же лѣта, мѣсяца июня въ 15, святого пророка Амоса, преставися архиепископъ новгородчкыи Семеон; бысть владыкою 5 лѣт и 3 мѣсяци безъ пяти днии, а всего 6 лѣт [1421].

Можно было бы назвать подобное сочетание ситуаций, когда следующая прекращает описываемую данным глаголом, ожидаемым (раз указаны границы периода пребывания в каком-либо месте, дальше речь должна идти о завершении этого периода). Однако употребление *и*-причастия объясняется проще: ограничение обусловлено самой аспектуальной семантикой данной формы, не могущей обозначать ситуацию, одновременную другой; если следующая ситуация не кладет конец данному состоянию, то, значит, она ему одновременна, происходит на его «фоне», и *и*-причастие употребить нельзя. И, действительно, в контекстах, отличающихся от вышеописанного только тем, что следующая ситуация не прекращает обозначаемой глаголом *быти*, употребляются только финитные формы:

Тои же зимѣ приихаше митрополит Киприянъ в Новѣгород, и владыка Иоанн стрѣтѣ его съ кресты съ игумены и с попы и со многыми крестияны у святого Спаса на Ильинѣ улицѣ. И бысть в Новѣгородѣ 2 недѣлѣ; много говоритъ Новугороду, чтобы грамота подрати, что новгородци поконцаѣ к митрополиту не зватися. И Новѣгород слова его не приаише, а грамотѣ не подраша; и митрополит поиха из Новогорода [1391].

Но не ясно, однако, чем объясняется ограничение употребления *и*-причастия случаями, где подлежащее стоит в единственном числе (а для других стативных глаголов оно

не имеет место – см. далее), ведь только финитные формы употребляются в контексте, отличающемся от контекста, в котором возможны *ш*-причастия, только тем, что подлежащее во множественном числе:

И много гадавшие новгородци, и быша безъ владыкы 8 мѣсяць; и възлюбиха весь Новѣград от мала и до велика, игумени и попове богомъ назнаменана Григориа Калику мужа добра, кротка и смирена, пона бывша святого Козмы и Дамиана на Холопьи улицы; и пострижесе [1391];

И вѣста за него Торговая сторона вся, и начаша людии лупити, а перевозниковъ бити от берега, а суды сѣчи и тако быша безъ мира по 2 недѣли, и потомъ сиидошася в любовь и даша посадничьство Василью Евановичю [1388] и т. д.

Отметим еще один случай употребления *ш*-причастия глагола *быти*, где глагол имеет значение близкое к значению связки, подлежащее его отлично от подлежащего соседней финитной предикации:

Въздвиге диаволъ котору въ братьи; а сии Ярославичи быху между собою в распрѣ велици: Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава. Изиде ис Кыева Изяславъ; Святославъ и Всеволод внидоша в Кыевъ [1074].

В данном случае предикация с *быти*, видимо, оказывается обозначает законченное событие (начали быть в распрѣ), но так как представляет собой разъяснение предыдущей фразы, может трактоваться и как не принадлежащая нарративной последовательности.

Статистика употреблений глагола *быти* в тех случаях, когда предикация с ним является и не является фоновой по аспектуальному критерию, показана в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Предикация	Щ-прич.	Дат. сам. с <i>ш</i> -прич.	Дат. сам. с <i>ш</i> -прич.	Финитно
Общее подлежащее				
Фоновая по аспектуальному критерию; значение <i>быти</i> – не непосредственно локативное, а пребывания в определенном состоянии	1	–	–	
Разные подлежащие				
Фоновая по аспектуальному критерию; подлежащее глагола <i>быти</i> – в единственном числе, имеет статус Данного	–	5 (42%)	4 (33%)	3 (25%)
Фоновая по аспектуальному критерию; при этом ситуация одновременна другой такой же фоновой; подлежащее глагола <i>быти</i> – в единственном числе, имеет статус Данного				1
Фоновая по аспектуальному критерию; подлежащее глагола <i>быти</i> (последнего, но не единственного в цепочке) – во множественном числе, имеет статус Данного				7 + 5 придаточных с союзом <i>яко</i>
Фоновая по аспектуальному критерию; подлежащее глагола <i>быти</i> – в единственном числе, имеет статус Данного; место пребывания обозначено анафор. местоимением				4
Фоновая по аспектуальному критерию; подлежащее глагола <i>быти</i> – в единственном числе, имеет статус Данного, есть частица <i>бо</i>				2

Предикация	III-прич.	Дат. сам. с <i>и</i> -прич.	Финитно
Непоследняя во фрагменте нарративной последовательности, относящемся к одному подлежащему; подлежащее в единственном числе; следующая ситуация прекращает данную	7 (88%)	–	1 (12%)
Непоследняя во фрагменте нарративной последовательности, относящемся к одному подлежащему; подлежащее во множественном числе; следующая ситуация прекращает данную			2
Непоследняя во фрагменте нарративной последовательности, относящемся к одному подлежащему; подлежащее в единственном числе; следующая ситуация не прекращает данную			1

Рассмотрим теперь те употребления глаголов *сѣдѣти* и *стояти*, где они имеют значения из некоторой локативной группы (для *сѣдѣти* это «оставаться», «жить», «занимать престол» и т.п. [Срезневский 1903, 3: 889–891], для *стояти* – «оставаться», «занимать место», «стоять лагерем» и т.п. [Срезневский 1903, 3: 527–528]) – в этих случаях обязательным участником описываемой ситуации, видимо, оказывается место пребывания (так же, как и для *быти* в значении *находиться*). В древнейшей части летописи оба глагола в этих значениях не появляются, а только в своем прямом. Но в целом по тексту НПЛ в этих значениях они употребляются чаще, и их *и*-причастия демонстрируют закономерности, сходные с закономерностями употребления *и*-причастий глагола *быти*.

Сѣдѣти

Есть только один пример, где предикация с данным глаголом является фоновой по аспектуальному критерию, при этом общее подлежащее глагол имеет только с предикацией, обозначающей другую такую же фоновую незаконченную ситуацию, и используется финитная форма:

...Игорь же *сѣдяше в Киевѣ* княжа, и воюя на Древляны и на Угличѣ [922].

Таким образом, у данного глагола нет *и*-причастных употреблений, в которых он бы имел локативное значение.

Рассмотрим далее те случаи, где предикации с глаголом *сѣдѣти* принадлежат нарративной последовательности.

В единственном контексте, где возможно употребление *и*-причастия стативного глагола с точки зрения самой семантики этой формы (см. про *и*-причастие глагола *быти*): в таком, где предикация с данным глаголом принадлежит нарративной последовательности, а следующая ситуация так или иначе завершает это длительное состояние, могут использоваться и *и*-причастие и финитные формы. Причастных примеров больше – 13:

...бѣжа Ростиславъ... из Новагорода сентября 1 *сѣдѣвъ въ Новгородѣ* 8 лѣтъ и 4 мѣсяцѣ [1139];

Иде Ростиславъ къ Чернигову ис Кыева *сѣдевъ Киевѣ* неделю 1 [1114];

Тогда же иде Ростиславъ ис Кыева, *сѣдевъ недѣлю*, к Чернигову, и побѣдиша и, прельстивше; и *сѣде* Изяславъ Давыдовиць в Киевѣ на столѣ [1154];

Преставися архиепископъ новгородчкыи антонии мѣсяца октября 8... сии блаженныи архиепископъ антонии преже изгнания *сѣдивши въ епископи* лѣтъ 8 по митрофанѣ пребысть же в болезни тои и онѣмѣвъ и ничтоже глаголя лѣтъ 6 и 7 мѣсяцѣ [1232];

И идоша съ Ярославомъ, и сѣдѣвше на Лукахъ, и възвратишася опять домовъ, а Всеволодъ вшедъ в землю их; и не вда богъ кровопролитья болаго, и взяша миръ между собою [1196] и т.д.

Из этих 13 примеров шесть принадлежат списку новгородских князей, данному при статье 989 года.

Финитные формы в аналогичном контексте появляются четыре раза:

...разгнѣваясь Всеволодъ, и прия вся, и епископа и гостя. И сѣдѣша новгородци безъ князя 9 мѣсяць; и призваша изъ Суздаля Судилу [1141];

Приша в Новѣгородъ князь Володимеръ, по зборѣ за недѣлю, и сѣдѣ в Новѣгородѣ до Петрова дни, и поиха прочь [1371];

...введоша Святослава, сына Олгова. И тѣ сѣдѣ два лѣта, и выгнаша и и... введоша Ростислава Юрьевича, внука Володимира. И тѣ сѣдѣ лѣто и 4 мѣсяци, и бѣжа из города [989];

И бѣша сѣдяще Углицѣ по Днѣпру вѣнизъ, и посемъ приидоша межи Бѣгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо [922].

В последнем примере употреблен не аорист и отсутствует указание на временные пределы ситуации, но так как следующая предикация обозначает ситуацию, завершающую предыдущую, рассматриваем этот пример вместе с прочими.

Есть также еще один пример подобного типа:

Тогда же даша посадничество Якуну; и сѣдѣша новгородци безъ князя о Семена дни до велика дни о Якунѣ, ждущие от Мьстислава сына [1168].

Но в нем употребление *ш*-причастия данного глагола невозможно – обозначаемая ситуация одновременная другой.

Контекст, который отличается от вышеописанного не содержательно, а синтаксически: ситуацию, описываемую глаголом *сѣдѣти*, следующая ситуация прекращает, но субъект глагола *сѣдѣти* является не подлежащим, а дополнением следующего глагола, пишущие тоже явно стремятся выделить. Поэтому на такой контекст тоже распространяется возможность употребления *ш*-причастий глагола *сѣдѣти*. Таких примеров всего два, оба они также принадлежат перечислению новгородских князей:

...позва его брат Изяславъ в Русь, а сына своего присла Ярослава. И тѣ сѣдивъ лѣто, и выгнаша его новгородци, и введоша Ростислава Мьстиславича... выгнаша Святослава, и введоша Мьстислава, Юрьевъ внукъ, Ростиславича. И тѣ сѣдивъ год, и выведе его строи волею [989].

Встречая в таком контексте причастие, мы сталкиваемся с уже упомянутым механизмом переинтерпретации такого рода, что тенденция употреблять причастные формы согласно определенной смысловой закономерности «перекрывает» действие синтаксических правил их функционирования⁸.

В двух случаях в подобного типа контекстах предикация с *сѣдѣти* оформляется и дательным самостоятельным с *ш*-причастием:

Прииде от Чернигова къ Новугороду князь Ярополкъ Ярославичъ на вербьницу, мѣсяца марта; и сѣдѣвши ему одну 6 мѣсяць, и выгнаша его из Новагорода, и послаша опять по Ярослава с Новаго торгу в Володимиръ, позвани Всеволодомъ. Идоша из Новагорода прежнии мужи и сочкыи и пояша Ярослава со всею правдою и честью; и прииде на зиму по крещении за недѣлю [1197];

Урядися Ростиславъ съ Андрѣемъ о Новѣгородѣ, и выведоста Мьстислава Юрьева внука, сѣдѣвшию ему год безъ недѣль, а Святослава ведоша опять на всеи воли его, мѣсяца сентября въ 28 [1161].

⁸ Причастие таким образом может превратиться в одну из глагольных форм, употребление которой привязано к определенным содержательным контекстам, но не ограничено синтаксически. Следующим этапом этого процесса может быть потеря кратким причастием этой привязки и превращение в форму, употребляющуюся в абсолютно свободном варьировании с финитными. Действием такого механизма, видимо, и объясняется хотя бы отчасти обильное употребление кратких причастий в синтаксических контекстах финитных форм в некоторых текстах более позднего периода.

Таким образом, для данного глагола дательный самостоятельный может оказаться эквивалентом обычного причастного оборота для тех случаев, когда подлежащее оборота отличается от подлежащего следующего финитного глагола.

В других случаях в таком контексте употребляется (в полном соответствии с традиционным синтаксисом) финитная форма:

...введоша Святослава, сына Олгова. И тѣ сѣдѣ два лѣта, и выгнаша и и... введоша Ростислава Юрьевича, внука Володимира [989];

...прииде Святополкъ, и показаша путь Ростиславу; а Святополкъ сѣде на столѣ. И сѣдѣ лѣто, и абие позва его брат Изяславъ в Русь [989];

...всадиша и въ епископлѣ дворъ с женою и с дѣтьми и с тѣщею... И сѣдѣ 2 мѣсяца, и пустиша из города июля въ 15 [1134].

Статистика для тех употреблений глагола, где предикации с ним являются фоновыми по аспектуальному критерию, показана в таблице 3, прочие – в таблице 4.

Таблица 3

Предикация	III-прич.	Дат. сам. с и-прич.	Финитно
Фоновая по аспектуальному критерию; общее подлежащее глагол имеет только с предикацией, обозначающей другую такую же фоновую незаконченную ситуацию			1

Таблица 4

Предикация	III-прич.	Дат. сам. с и-прич.	Финитно
Непоследняя во фрагменте нарративной последовательности, относящемся к одному подлежащему; следующая ситуация прекращает данную	13 (74%)	–	4 (26%)
Последняя во фрагменте нарративной последовательности, относящемся к одному подлежащему; следующая ситуация прекращает данную	2 (29%)	2 (29%)	3 (42%)

Стояти

Имеется только один пример, где предикация с глаголом *стояти* является фоновой по аспектуальному критерию. При этом общее подлежащее глагол имеет только с предикацией, обозначающей другую такую же фоновую незаконченную ситуацию, и используется финитная форма:

Приступиша же на 40 кораблехъ великихъ; бяху же изремени и межи ими, в нихже людие на конех, въ оружьи, еще же и конѣ их оболчени въ брони; инии же в кораблехъ и в галѣяхъ стояху назади, боящися от зажъжения [1204].

Таким образом, данный глагол (так же, как и *сѣдѣти*) не имеет и-причастных употреблений, в которых он бы имел локативное значение.

Рассмотрим теперь случаи, когда предикации со *стояти* принадлежат нарративной последовательности. В таком контексте, который, как уже говорилось, в силу самой аспектуальной семантики и-причастия данного глагола является для этого причастия единственно возможным: а именно тогда, когда предикация с данным глаголом принадлежит нарративной последовательности, а следующая ситуация так или иначе заверша-

ет данное длительное состояние, – предикация с глаголом *стояти* может оформляться и кратким *и*-причастием и финитной формой.

Всего примеров на *и*-причастие четыре:

...[новгородци] *Идоша ис Кыева къ Чернигову, и стоявшие 12 дни, и взяша миръ, и въземше дары, приидоша в Новъгород въси здрави* [1214];

Ходи Ярославъ на Черниговъ ратью [...] пожже Шернескъ и стоявъ под Мосаискомъ въсяптися назадъ истрати обилья много [1231];

Того же лѣта поиде князь великъи Юрьи с новгородци к Выбору, городу Нѣмечкому; и биша и 6-ю пороковъ, твердъ бо бѣ, и избиша много Нѣмецъ в городѣ, а и иных извѣшаша, а инии на Низъ поведоша; и стоявшие мѣсяць, приступивъ, и не взяша его [1322];

Того же лѣта, събравшися Нѣмци, местерь со всеми своими вои, пришедше под городѣ под Яму, бивше и пушками, и стоявшие 5 дни, и по Вочкои земли и по Ижерѣ и по Невѣ поплениша и пожгоша; а города ублюде богъ и святыи архистратигъ Михаилъ [1444].

Финитные формы в аналогичном контексте появляются пять раз:

Иде князь Юрьи Андрѣевиць с новгородци и с ростовци Кыеву на Ростиславица и прогнаше ис Кыева, и стояше под Вышегородомъ 7 недѣль, и приидоша в Новъгород вси здравии [1173];

Тои же осенѣ сташа новгородци под Орѣховымъ, въ госпожино говѣнье, и стояша до великаго заговѣнья и приступиша к городу с приметомъ в понедѣльник чистои недѣли [1345];

А новгородци стояша под Тфѣрью 4 дни, и доконцаша миръ на всеи воли князя великаго и на новгородчкои [1375];

Приходи князь Витовтъ Литовьскыи ратью со всею силою своею къ городу Смоленьску, и стоя под городом 3 мѣсяци, и отъиде [1404];

Стоя Витовтъ под Вороначомъ 3 недѣли ратью и отъиде не взя [1426].

В таком ситуационном контексте, где следующая предикация обозначает ситуацию, не завершившую данную, предикация с глаголом *стояти*, как и следовало бы ожидать, оформляется финитно.

Примеров всего шесть:

И бысть тои осени Ляхом и Литвѣ 3 побоища с Нѣмци, а трижда Нѣмецъ избиша; а во всѣхъ тѣхъ побоищех много же крестиянъ и Литвы и Ляховъ от Нѣмецъ избиено бысть; а стояша под Марьиным городомъ 8 недѣль и взяша Марьина 2 города охабя, а въшняго третьяго не взяша [1410];

Приходиша же Нѣмци силою великою с пороки ко Изборьску и стояша под городом 11 день, и мало не взяша его [1342];

Ходиша из Новагорода люди молодыи к Новому городку, на Овлъ на рѣцѣ, к нѣмечкому. И стояша под городомъ много дни, и посадъ всѣ взяша, и волость всю потравиша [1377];

Того же лѣта ходи князь великъи Дмитрии Ивановичъ съ всѣми князьми и со всею силою рускою на князя Михаила Тфѣрьскаго, и стоя под Тфѣрью 4 недѣли, и волость всю взяша... [1375];

...приидоша к Орлецу городку и стояша под городкомъ 4 недѣль, поставиша пороки и оступиша городокъ, и начаша бити пороки [1398];

Взя князь Литовьскыи Витовтъ плесковьскыи пригород Коложе на миру; а под Воронацемъ стоя два дни, и много повоева волости плесковьскыи [1406].

В одном случае здесь появляется и *и*-причастие: однако в данном случае отличие от всех предыдущих, следующая за данной ситуация имела место непосредственно перед тем, как данному состоянию был положен конец:

Новгородци же всѣдши в носады, погребоша в Ладогу съ княземъ Ярославом... Новгородци же стоявшие в Невѣ нѣколико дни, и створиша вѣче и хотѣша убити Судимира, и скры князь в носадѣ у себе, оттолѣ же въспятишася в Новъгород, а ладожанъ не ждавшие [1398].

Есть также один пример на *и*-причастие, являющееся единственным сказуемым придаточного предложения, вводимого союзом *и*, находящегося к тому же не в самой нарративной последовательности, но внутри прямой речи:

...«*тако пришедши постоиши у мене в Почаинѣ якоже и азъ у тебе въ Съсуду стоявши то тогда ти дамъ*» и сиа пакы словеса глаголавши много и абие отпусти послове [955].

Если все же предполагать вслед за [Горшкова, Хабургаев 1981], что отпричастный перфект разговорного языка мог как-то проявляться в летописи, то в первую очередь примеры подобного рода (прямая речь, результативный контекст) следует считать употреблениями этого перфекта.

Статистика для тех употреблений глагола, где предикации с ним являются фоновыми по аспектуальному критерию, показана в таблице 5, для прочих – в таблице 6.

Таблица 5

Предикация	<i>И</i> -прич.	Дат. сам. с <i>и</i> -прич.	Финитно
Фоновая по аспектуальному критерию; общее подлежащее глагол имеет только с предикацией, обозначающей другую такую же фоновую незаконченную ситуацию			1

Таблица 6

Предикация	<i>И</i> -прич.	Дат. сам. с <i>и</i> -прич.	Финитно
Непоследняя во фрагменте нарративной последовательности, относящейся к одному подлежащему; следующая ситуация прекращает данную	4 (44%)	–	5 (56%)
Непоследняя во фрагменте нарративной последовательности, относящейся к одному подлежащему; следующая ситуация не прекращает данную	–	–	6
Непоследняя во фрагменте нарративной последовательности, относящейся к одному подлежащему; следующая ситуация не прекращает данную, но имела место непосредственно перед тем, как данному состоянию был положен конец	1		

3.2. Глаголы позиции

Рассмотрим также и те употребления глаголов *сѣдѣти* и *стояти*, где они имеют свое прямое значение – пребывания в определенной позе. Предикации с данными глаголами в этом значении в исследуемом летописном тексте являются исключительно фоновыми по аспектуальному критерию (что обусловлено особенностями летописи как жанра: в рассказе о важных политических или, в крайнем случае, природных событиях было бы странно встретить переднеплановые предикации с такими глаголами).

Сѣдѣти

Если предикация с глаголом *сѣдѣти* является фоновой по аспектуальному критерию, но общее подлежащее глагол имеет только с предикацией, обозначающей другую такую же фоновую незаконченную ситуацию, оба глагола оказываются оформлены *и*-причастием:

...*понесоша я в лодыи. Онѣ же сѣдяще и гордящися въ великихъ перегибехъ и сустугахъ. И пакы принесоша я на дворъ къ Олзѣ* [945].

Пример *То кѣи то богъ, сѣди въ безднѣ; то есть бѣсъ; а Богъ есть сѣди на престолѣ на небеси, славимъ от аггелъ* [1071] к этому контексту не относим, так как причастие, обозначающее одновременную данной ситуации, является пассивным.

Появление такого рода именительного самостоятельного можно объяснить тем, что пишущий «привык» употреблять в форме *щ*-причастия каждый из этих глаголов тогда, когда им обозначается фоновая по аспектуальному критерию ситуация, и следует данному правилу содержательного контекста даже тогда, когда оно оказывается противоречащим традиционным синтаксическим правилам.

Если предикация с данным глаголом является фоновой по аспектуальному критерию и ее подлежащее совпадает с подлежащим глагола, обозначающего одновременную ситуацию нарративной последовательности, используется *щ*-причастие:

Заутра Ольга сѣдиши в теремѣ посла по гости и придоша к нимъ глаголюще: зоветь вы Ольга [945];

...бысть громъ велии яко слышахомъ вси чисто в истѣбѣ сѣдище [1138].

Таких примеров всего два.

Если предикация с данным глаголом является фоновой по аспектуальному критерию, но ее подлежащее не совпадает с подлежащим глагола, обозначающего какую-либо одновременную ситуацию, используется дательный самостоятельный:

...си же придоша на княжъ дворъ. Изяславу сѣдищу на сѣнях с дружиною своею, и начаша прѣтиса съ княземъ, стояще долѣ. Князю из оконца зрящу и дружинѣ стоящи у князя, и рече Туки, брат Чюдинъ, Изяславу: «видѣши, княже, людие возлилися суть; пошли солъ, да блюдут Всеслава» [1068];

...нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдище на празѣ тоя храмины, кудесъникъ же лежа оцѣпѣвъ, и шибѣ имъ бѣсъ [1071];

...[пришли князь Святослав и его сын] Сѣдящим же имъ у него, рече ему Федосии: «се, отхожю свѣта сего»; [1074].

Всего таких примеров три.

Если предикация с данным глаголом является фоновой по аспектуальному критерию, ее подлежащее отличается от подлежащего предикации, принадлежащей нарративной последовательности, но она сама представляет собой разъяснение предыдущей информации и является по форме либо придаточным предложением, либо предложением, по смыслу являющимся сентенциальным актантом принадлежащей нарративной последовательности предикации, употребляются финитные формы:

...всаженъ бысть в бочку, имущи 3 дна при единемъ конци, за нимже Исаковицъ сѣдише, а въ другомъ конци вода, идеже гвоздѣ [1274].

...видѣ посадѣ единѣ гребущѣ; посредѣ посада стояща Бориса и Глѣба въ одежах червленых, и бѣста руки своя держаста на рамѣхъ кождо коему, гребци же сѣдаху акы в молнию одѣни [1240].

Статистика для глагола показана в таблице 7.

Таблица 7

Предикация	<i>Щ</i> -прич.	Дат. сам. с <i>щ</i> -прич.	Финитно
То же подлежащее, что и у глагола, обозначающего одновременную ситуацию			
Фоновая по аспектуальному критерию; подлежащее совпадает с подлежащим глагола, обозначающего одновременную ситуацию нарративной последовательности	2		
Фоновая по аспектуальному критерию; общее подлежащее глагол имеет только с предикацией, обозначающей другую такую же фоновую незаконченную ситуацию	1		

Подлежащее не совпадает с подлежащим глагола, обозначающего какую-либо одновременную ситуацию			
Фоновая по аспектуальному критерию; значение глагола – "пребывать в сидячей позе"		3	
Фоновая по аспектуальному критерию; разъяснение предыдущей информации, значение глагола – "пребывать в сидячей позе"			2

Стояти

Если предикация с глаголом *стояти* является фоновой по аспектуальному критерию, но общее подлежащее глагол имеет только с предикацией, обозначающей другую такую же фоновую незаконченную ситуацию, используется *щ*-причастие. Всего таких примера два:

*...стояху инъ до иши, друзии же до персии, младыя же от берега, друзии же младенци держаще, свершении же бродяху; попове же **стояще**, молитвы творяху* [988];

*...смотримъ, како ся кланяють в ропатѣ, **стояще** бес пояса, и поклонивъся, сядеть и глядит сѣмо и овамо, акы бѣшенъ* [987].

Если предикация с данным глаголом является фоновой по аспектуальному критерию, общее подлежащее глагол имеет только с предикацией, обозначающей другую такую же фоновую незаконченную ситуацию, но эта другая предикация (*внимаючи учению*) отсылает к частично уже известной информации, т.е. сама является фоновой еще и по другому критерию, используется финитная форма:

*...заповѣда еи о церковномъ уставѣ и молитвѣ и о постѣ, и о милостинѣ и о воздержании тѣла чиста. Она же [княгиня Ольга], поклонивши главу, **стояще**, акы губа напаяема, внимаючи учению* [955].

Если предикация с данным глаголом является фоновой по аспектуальному критерию и его подлежащее совпадает с подлежащим глагола, обозначающего одновременную ситуацию нарративной последовательности, используется *щ*-причастие.

Всего таких примера два:

*...их же учение развращено: вѣлѣзъши въ церковь, не покланяются иконамъ, но **стоя** поклонится, и, поклонивъся, написаетъ крестъ наземлѣ и цѣлуетъ, и въставъ простъ, станетъ на немъ ногама; да легъши цѣлуетъ, а въставъ попираетъ* [988];

*...сиш же приидоша на княжъ дворъ. Изяславу сѣдящу на сѣнях с дружиною своею, и начаша прѣтися съ княземъ, **стояще** долѣ* [1068].

Если же предикация с данным глаголом является фоновой по аспектуальному критерию и его подлежащее совпадает с подлежащим глагола, обозначающего одновременную ситуацию нарративной последовательности, и к тому же предикация представляет собой отсылку к уже сообщенному (т.е. является фоновой и по другому критерию), используется дательный самостоятельный:

*...бѣ нѣкто муж: старѣишина в земли Ижерьской, именемъ Пелгусии поручена же бѣ ему стража морьская... **Стоящу** же ему при краи моря, стрегущу обою пути, и пребысть въсю ночь въ бдѣнии* [1240].

Если предикация с данным глаголом является фоновой по аспектуальному критерию, но ее подлежащее не совпадает с подлежащим глагола, обозначающего какую-либо одновременную ситуацию, используется дательный самостоятельный:

*...поидоша на нь и обоидоша дворъ около его. **Оному** же **стоящу** на сѣнях съ сыномъ своимъ, и рѣша ему: «вдаи сына своего, да вдамы богомъ»* [983];

...сиш же приидоша на княжь дворъ. Изяславу сѣдѣицу на сѣнѣх с дружиною своею, и начаши прѣтисѣ съ княземъ, стояще долѣ. Князю изю оконца зрящу и дружинѣ стоящи у князя, и рече Туку, брат Чюдинь, Изяславу: «видѣши, княже, людие возлилися суть; поили солъ, да блюдут Всеслава» [1068].

Есть еще один пример употребления формы глагола *стояти* в контексте, где ситуация, описываемая им, является фоновой по аспектуальному критерию и у глагола, описывающего эту одновременную ситуацию, другое подлежащее:

...в то же лѣто на зиму иде в Русь архиепископъ новгородчкыи Нифонтъ с лучшими мужи и заста кыланѣ с черниговци **стояще** **противу себѣ** множество вои [1135].

Синтаксический разбор данного примера затруднителен: не ясно, каково подлежащее причастной предикации. Если *кыланѣ с черниговци*, то самостоятельный оборот, видимо, представляет собой результат переосмысления пишущим оборота из аккузатива с причастием, *если множество вои*, то все равно данный оборот является актантом предыдущего финитного глагола *заста*. Из-за этой синтаксической неоднозначности в статистике учитывать данный пример не будем.

Статистика для глагола показана в таблице 8.

Таблица 8

Предикация	Щ-прич.	Дат. сам. с щ-прич.	Финитно
Фоновая по аспектуальному критерию; общее подлежащее глагол имеет только с предикацией, обозначающей другую такую же фоновую незаконченную ситуацию	2 (66%)		1 (33%)
Фоновая по аспектуальному критерию; подлежащее совпадает с подлежащим глагола, обозначающего одновременную ситуацию нарративной последовательности	2		
Фоновая по аспектуальному критерию; отсылка к уже сообщенному; общее подлежащее глагол имеет только с предикацией, обозначающей другую такую же фоновую незаконченную ситуацию		1	
В значении «пребывать в стоячей позе», подлежащее не совпадает с подлежащим глагола, обозначающего какую-либо одновременную ситуацию		2	

* * *

Результаты наблюдений подтверждают, что глаголы одного лексического класса обнаруживают схожие критерии распределения предикаций на причастные и финитные. Некоторые из этих контекстов оказываются в летописи описываемыми только одним способом, в других предпочтения пишущего тоже очевидны, хотя возможна вариативность.

Изучаемые критерии распределения предикаций на причастные и финитные непосредственным образом связаны с давно уже известными лингвистической теории критериями разграничения основных и фоновых для нарратива предикаций. Когда предикация является фоновой по аспектуальному критерию, она всегда оформляется нефинитно: используется *щ-причастие* в именительном падеже, если подлежащее совпадает с подлежащим предикации, обозначающей одновременную нефоновую ситуацию, и дательным самостоятельным, если не совпадает.

Есть пример употребления дательного самостоятельного для маркирования предикации, которая представляет собой отсылку к уже сообщенному, и, значит, является фоновой и по этому критерию.

Когда предикации с исследуемыми глаголами принадлежат нарративной последовательности, есть простое ограничение на употребление *и*-причастия: следующая предикация должна принадлежать к определенному классу – описывать ситуацию, прекращающую данную. Но ограничение объясняется самой аспектуальной семантикой *и*-причастия стативного глагола, не могущего обозначать состояние, одновременное другой ситуации.

Исследованный материал также предоставил ряд иллюстраций того, как работал механизм переинтерпретации правил книжного языка, в данном случае – синтаксических: иногда книжник мог следовать тенденции употребления кратких причастий в определенном содержательном контексте, даже нарушая при этом традиционные синтаксические правила: так могли возникать именительные самостоятельные с причастиями исследуемых глаголов (впрочем, эквивалентом краткого причастия в именительном падеже в таком контексте мог оказаться и дательный самостоятельный).

Отметим также, что есть закономерности употребления кратких причастий, например отсутствие употреблений *и*-причастия глагола *быти* во множественном числе, которые обусловлены прагматическими причинами. Пока что в объяснение их можно только сказать, что они, очевидно, возникают в результате интерпретации летописцем соответствующих закономерностей в образцовых для него текстах.

В любом случае для подтверждения или опровержения выдвинутых в данной статье объяснений необходимо исследование других памятников. В русле дальнейшего изучения критериев распределения предикаций на финитные и причастные было бы интересно изучить аналогичные закономерности употребления причастных и финитных форм глаголов и в других древнерусских памятниках и в текстах, образцовых для летописцев. Такие исследования обогатили бы конкретными деталями описание языкового поведения древнерусского книжника, были бы полезны с текстологической точки зрения (так как параметры употребления причастных оборотов варьируются во фрагментах разного происхождения) и вписывались бы в актуальную проблематику изучения прагматических факторов в истории письменного языка, риторических и нарративных стратегий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев 1987a – А.А. Алексеев. Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVI вв. // ВЯ. 1987. № 2.
- Алексеев 1987b – А.А. Алексеев. Participium activi в русской летописи: особенности функционирования // Rling. V. 11. 1987.
- Белоруссов 1899 – И.М. Белоруссов. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковно-славянской и древнерусской письменности // Русский филологический вестник. Варшава, 1899. Т. 41.
- Борковский 1949 – В.И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.
- Борковский, Кузнецов 1965 – В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Георгиева 1968 – В.Л. Георгиева. История синтаксических явлений русского языка. М., 1968.
- Горшкова, Хабургаев 1981 – К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие. М., 1981.
- Живов 1995 – В.М. Живов. Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки // Rling. 1995. V. 19. № 1.
- Живов 1998 – В.М. Живов. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998.
- Зализняк 2004 – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Земская 1973 – Русская разговорная речь / Под ред. Е.А. Земской. М., 1973.
- Истрина 1923 – Е.С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности. 1923. Т. 24. Кн. 2.
- Калинина 2001 – Е.Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М., 2001.

- Кузьмина, Немченко 1982 – И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. А.И. Аванесова, В.В. Иванова. М., 1982.
- Лопатина 1978 – Л.Е. Лопатина. Второстепенное сказуемое // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В.И. Борковского, М., 1978.
- НПЛ 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.; Л., 1950.
- Падучева 2001 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985; 2-е изд. М., 2001.
- Потебня 1958 – А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
- Руднев 1959 – А.Г. Руднев. Обособленные члены предложения в истории русского языка // Уч. зап. ЛГПИ. Л., 1959. Т. 174.
- Сабенина 1978 – А.М. Сабенина. Дательный самостоятельный // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В.И. Борковского. М., 1978.
- Срезневский 1903 – И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3-х томах. СПб., 1903.
- Стеценко 1972 – А.Н. Стеценко. Исторический синтаксис русского языка: Учеб. пособие. М., 1972.
- Шахматов 2001 – А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 2001.
- Chafe 1987 – W. Chafe. Cognitive constraints on information flow // R.S. Tomlin (ed.). Coherence and grounding in discourse: Outcome of symposium, Eugene, Oregon, June, 1984. Amsterdam (Philadelphia), 1987.
- Corin 1995 – A. Corin. The dative absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic // Die Welt der Slaven. 1995. V. 42. № 1.
- Dry 1981 – H. Dry. Sentence aspect and the movement of the narrative time // Text. V. 1. 1981. № 3.
- Dry 1983 – H. Dry. The movement of narrative time // Journal of literary semantics. 1983. V. XII. № 2.
- Fox 1983 – B. Fox. Discourse function of the participle in Ancient Greek // F. Klein-Andreu (ed.). Discourse perspectives on syntax. 1983.
- Givón 1984 – T. Givón. Syntax: a functional typological introduction. V. 1. Amsterdam (Philadelphia), 1984.
- Haiman 1985 – J. Haiman. Natural syntax. Iconicity and erosion. Cambridge, 1985.
- Haiman, Thompson 1984 – J. Haiman, S.A. Thompson. «Subordination» in universal grammar // Proceedings of the X Annual meeting of the Berkeley linguistic society. 1984.
- Haspelmath 1995 – M. Haspelmath. The converb as a cross-linguistically valid category // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin, New York, 1995.
- Hopper 1979 – P.J. Hopper. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.). Discourse and syntax. New York, 1979.
- Lakoff 1984 – R. Lakoff. The pragmatics of subordination // Proceedings of the X annual meeting of the Berkeley linguistic society. 1984.
- Longacre 1983 – R.E. Longacre. The grammar of discourse. New York, 1983.
- Matthiesen, Thompson 1988 – C. Matthiesen, S.A. Thompson. The structure of discourse and «subordination» // J. Haiman, S.A. Thompson (eds.). Clause combining in grammar and discourse. Amsterdam (Philadelphia), 1988.
- Nedjalkov 1995 – V. Nedjalkov. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin; New York, 1995.
- Polanyi, Hopper 1981 – L. Polanyi, P.J. Hopper. A revision of the foreground-background distinction: Paper presented at the 1981 Winter meeting of the Linguistic society of America. [Электрон. ресурс.] Доступ: <http://eserver.org/langs/polanyi-hopper1981.hqx> [21.6.2000].
- Růžička 1963 – R. Růžička. Das syntaktische System der Altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen. Berlin, 1963.
- Thompson 1983 – S.A. Thompson. Grammar and discourse: the English detached participial clause // F. Klein-Andreu (ed.). Discourse perspectives on syntax. 1983.
- Thompson 1987 – S.A. Thompson. «Subordination» and narrative event structure // R.S. Tomlin (ed.). Coherence and grounding in discourse: Outcome of symposium, Eugene, Oregon, June 1984. Amsterdam (Philadelphia), 1987.
- Tomlin et al. 1997 – R.S. Tomlin, L. Forrest, Ming Ping Pu, Myung Hee Kim. Discourse semantics // T.A. van Dijk (ed.). Discourse as structure and process. Discourse studies: A multidisciplinary introduction. V. 1. London; New Delhi, 1997.
- Večerka 1961 – R. Večerka. Syntax aktivních participií v staroslověštině. Praha, 1961.
- Wårvik 2002 – B. Wårvik. On grounding in narrative: a survey of models and criteria. Turku, 2002.
- Worth 1994 – D.S. Worth. The dative absolute in Primary Chronicle: some observations // Harvard Ukrainian studies. V. XVIII. № 1/2. Special issue: Ukrainian philology and linguistics. 1994.